

***

Я имел счастье познакомиться с Василием Михайловичем в 2012-м году, когда отважился попроситься к нему на стажировку по существовавшей тогда программе РФФИ мол_рф_нр (“Конкурс научных проектов, выполняемых молодыми учеными под руководством кандидатов и докторов наук в научных организациях Российской Федерации”). Мы обменялись с ним двумя десятками писем, чтобы согласовать тематику и разобраться с формальностями подачи заявки в фонд, и хотя на финальном этапе во многих вопросах со стороны ПОМИ меня также очень поддерживал Алексей Прохорович Киселев, начальные хлопоты по организации стажировки легли на плечи самого Василия Михайловича.

Лишь через много лет, испробовав “увлекательную” многозадачность профессорской жизни, я смог по-настоящему оценить, насколько непросто бывает найти время, и, скажем так, душевные ресурсы для малознакомых визитеров, особенно таких, которые весьма условно представляют себе бюрократический аспект жизни научных институтов. Сейчас мне всего только 40 лет, и это уже бывает непросто. Тем не менее, я стараюсь держаться морального ориентира, который когда-то сформировал у меня Василий Михайлович, находивший время, доброжелательность и отзывчивость, чтобы отвечать на мои бесконечные письма на своем 82-м году жизни. Думаю, если бы я представлял себе, сколько беспокойства доставит ему моя стажировка, никогда бы не решился попросить его принять меня. Тогда, в 2012 году, Василий Михайлович почти каждый день приезжал на работу в ПОМИ на метро, хотя пешеходная часть маршрута уже была довольно затруднительной для него. Тем не менее, он вел семинары, писал статьи и книги, руководил работой своих аспирантов (как раз тогда, в 2012 году, диссертацию защитил Герман Заворохин) и даже находил силы принимать едва знакомых научных стажеров с другого конца страны.

Когда я впервые увидел Василия Михайловича, приехав в ПОМИ, в голову пришла мысль, что я встретил настоящего научного динозавра — гиганта, о котором я знал только из книжек. Возможно, впечатление отчасти было связано и с тем, что он весьма заметно наклонял вперед корпус, опираясь на трость, что придавало его фигуре черты T. Rex. Мир математической теории волновых процессов в Петербурге, действительно, принимал его за своего короля и, казалось, вращался вокруг этой фигуры. В отличие от кинематографических изображений тираннозавра, однако, Василий Михайлович излучал доброжелательность и отзывчивость. Думаю, нужно быть таким большим ученым как он, чтобы иметь эти качества в таком количестве. Оказалось, что Василий Михайлович позаботился даже о том, чтобы организовать для меня проживание в Петербурге на период стажировки, хотя я не просил его об этом и даже принес, как он сам выразился, “пустяковый торт”, чтобы устроить чаепитие по случаю моего приезда. Нужно ли говорить, что это далеко за рамками принятой в академии участливости к визитерам?

Петербургский “волновой” семинар был тогда довольно жестким для докладчиков, но Василий Михайлович всегда находил для них подходящие ободряющие слова после неумолимого разноса, практиковавшегося другими постоянными участниками. За время стажировки я сделал там два доклада и, пожалуй, в первый раз был слегка обескуражен полученной дозой критики, в особенности касающейся мате-

матической строгости в постановке задач. Василий Михайлович нашел правильные слова и для меня. После семинара он сказала мне: “Павел, если то, что Вы делаете, помогает решать практические задачи, то отсутствие строгости здесь пережить можно”. Думаю, эти слова очень помогли мне в дальнейшей работе, хотя и критика на семинаре, как мне кажется, тоже сослужила некоторую службу. Однако прежде всего мне бы очень хотелось сохранить урок отзывчивости, полученный от Василия Михайловича, до моих 80 лет.

Павел Сергеевич Петров